

ланное и решительно заявил, что главного героя должен играть не этот самодовольный тип (не станем называть имя), а вон тот, 23-летний парень, как его, Марэ... А с Кокто не поспоришь.

— Почему же он сделал такой выбор? Вы когда-нибудь пробовали распробовать его?

— Пробовал. Он смеялся и говорил, что умеет в гадном утенке разглядеть гадкую утку. Жан Кокто — мой добрый ангел, мой благодетель, создатель и поводырь. Его уже нет в живых, но каждый день по радио или телевидению Франции звучит его имя, и в этом мое немеркнущее счастье. Мы же умираем не тогда, когда умираем, а когда о нас перестают вспоминать. Самым большим грехом человека считаю забвение Учителя. Этот грех жестоко наказывается судьбой (или божественными силами, или Провидением, как ни назови). Представляете, Кокто стал писать «на Жана Марэ»! О таком можно было лишь грезить! И скажу вам, как на исповеди: все мои недостатки, мое неумение общаться с партнером, внешняя надутая многозначительность и внутренняя пустота, мои потуги выглядеть не тем, что я есть (сделайте скидку, мне было всего 24, 25, 26 лет) в руках Кокто превращались в нечто ценное! Другой режиссер давно дал бы мне пинка (мадам, я не уточняю, куда именно), но Кокто терпеливо превращал меня в звезду.

Не уверен, что я понял хотя бы половину. Но неким шестым чувством ощущаю, что грешно пускать русским пыль в глаза. И потому признаюсь: конечно, я понимаю, что я — «великий» Жан Марэ. Зрителю нужен любимец. Особенно, если любимцу восемьдесят, а он все еще без животика, подвижен, порывист, под гримом вроде бы еще неплохо глядится и о столь многом напоминает...

— Вы ощущаете усталость?

— Я устал. Это естественно. Но я не хочу на покой! Что тоже естественно. Ну, скажите, вам известен старый актер, который рвется на покой? Нам же всегда кажется, будто мы неизменно необходимы. То, что мы с Мишель Морган, кстати, моим добрым другом достаточно число лет, пожинаем сейчас в провинции плоды своей прежней славы, может обмануть кого угодно, только не нас с Мишель.

— Что-то не очень видна ваша смена. Где те актеры, которые могли бы выйти на сцену или съемочную площадку вместо вас с полным на то основанием?

— Брюзжать по поводу молодых полагается мне. Уверяю вас, их множество, талантливых. Но, как и мне когда-то, им трудно пробивать себе дорогу, пока еще играет этот «скрипящий суставами» Жан Марэ! Есть, есть таланты. Их время пришло.

епископа Мириэля, у которого Вальжан крадет серебряные шандалы и которого епископ отпускает с миром, я еще сгложусь. Храбрись сколько угодно, восемьдесят есть восемьдесят. Хотя я по-прежнему занимаюсь спортом, даже боксом. Да-да, тут я не рисуюсь. Нам столько лет, на сколько мы себя чувствуем. Другое дело, что на экране — все слишком крупным планом, там не обманешь.

— Из всего, что вы сыграли, есть что-то особенно дорогое вам, близкое по духу, складу характера, души?

— По складу характера и души я авантюрист (в позитивном смысле слова). Не глубокомыслен, но искренен. Мне по сердцу Рюи Блаз и Сезар де Базан, д'Артаньян и Монте-Кристо, капитан Фракасс и Орфей в варианте Кокто, Патрис (приблизженный к современности вариант Тристана, верного Изольде, в картине Кокто «Вечное возвращение»). Я все так же романтичен в свои преклонные годы, все так же неглубок — и, может быть, в этой поверхностности мое кинематографическое счастье, ведь в фильмах лучших режиссеров я, как правило, терпел фиаско, зато у посредственных сиял в ореоле «мастерства».

— В «Пари матч» я проща, что вы именуете себя бесконечным эгоистом. Не верится!

— И правильно. Не верьте тому, что говорит актер. На самом деле я люблю людей, собак, птиц, рыбок. Я даже крокодила в зоопарке жалю: каково ему там, за загородкой? Люблю рисовать (но показываю свою «живопись» только очень близким знакомым, преимущественно тем, которые в живописи не разбираются). У себя дома, в городке Валлорисе, собираю керамику, клинки разных эпох, всякую другую чухь, доставляющуюсиюминутную радость. И с такой же легкостью раздариваю. В Париже я живу в престижном квартале Монмартра, но он мне изрядно надоел. В конце концов я — Жан Марэ, которому идет девятый десяток! Могу я себе позволить делать то, что мне нравится? В рамках закона, и человеческого, и Божьего?

Сказать по секрету? Я и приволокнуться за какой-нибудь юной симпатяшкой до сих пор не прочь. Не будь я Жан Марэ!

В гостях у мэтра была Нина АЛЕКСАНДРОВА.

На снимках: Марэ как таковой (несколько лет назад) и в фильме «Граф Монте-Кристо».

Фото из архива актера.

Жан МАРЭ:

Встр. мичб. - 1994 - 30 апр - с. 7

"Никогда не верьте тому, что говорит о себе актер"

Его 80-летие Франция начала отмечать в конце минувшего года — и торжества еще не стихают. Кумир все так же строен и гибок, его улыбка все так же ослепительна, голос звучен и чист, а персонажи демонически прекрасны... Я нагнала их труппу в Орлеане, где вместе со столь же великой и несравненной Мишель Морган они играли «Священных монстров» Жана Кокто, совершая обещанные всем французам гастроли со спектаклем, который поставил сам юбиляр. Он принял меня после представления в своей гримерной, предложил шампанского, держался просто и весело.

— Мэтр Марэ, оглядываясь на пройденное, что именно выделили бы вы, какие вехи, какие пики, взятые вами?

— А я вовсе не хочу оглядываться. Какие там пики! Я просто баловень судьбы! И давно уже согласился со своим покойным отцом: он, провинциальный ветеринар, не мог понять, зачем этот оболтус Жан лезет в артисты. Иногда я осознаю, что кое в чем он был прав.

— Так и ваш папа имел отношение к медицине? Вот перст судьбы: отец Жана-Луи Барро был фармакологом. Вывод: в семьях медиков рождаются великие артисты.

— Сравнили... Барро почти сразу был признан гени-

ем. А меня очень долго называли безнадежной бездарностью. Трижды пытался поступить в драматическую студию Парижской консерватории и трижды с грохотом проваливался. Единственное мое достоинство (если считать это достоинством) — упрямство. Я мотался по киностудиям — никто не брал сниматься; я метался от одной сценической труппы к другой — тщетно. Пока наконец Шарль Дюллен, глава театра «Мастерская», человек податливый, которого я, видимо, донял, выпустил оболтуса на сцену. В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Я играл... участника ритуального бега, каковых в эпизоде было штук двадцать, и ни у одного из нас — ни единого слова текста. А вы говорите: Жан-Луи Барро...

— Что же изменило ситуацию? Оценили вашу внешность?

— Какую внешность, мадам? Таких, как я, всегда было пол-Парижа. Нет, случилось истинное чудо. Ко Всемирной парижской выставке 1936 года ставилась трилогия Жана Кокто. Мне там дали не роль, а рольку, две фразы. Но на генеральную репетицию пожаловал сам Кокто, посмотрел сде-

— Мы помним вас по фильмам «Опасные связи» (вы там и Рюи Блаз, и дон Сезар де Базан), в «Жюльетте», «Разбитых мечтах», «Парижских тайнах», «Графе Монте-Кристо», «Железной маске», «Капитане Фракассе», «Кармен»... Мы обожали и обожаем вас! И вдруг такие уничижительные признания...

— Придется раскрыть истину. Никогда не верьте тому, что говорит о себе актер. Две трети сказанного он только что придумал. У него в данную минуту такое настроение...

И все же, хотя я рисуюсь, делаю вид, что мне отнюдь не восемьдесят и что я хоть сейчас могу промчаться в «Ситроене» через всю Францию, от Марселя до Гавра (с остановками лишь у бензозаправок), чтобы смутить чье-нибудь доверчивое женское сердце, — перед русскими я ничего изображать и придумывать не хочу. Мне выпало на долю играть Достоевского — или хотя бы то, что наше западное кино (ставил-то сам Лукино Висконти!) выдавало за Достоевского; я твердо знаю, что роль Жильца в «Белых ночах» провалил, но это само по себе заставило меня начать читать Достоевского!

— А вы, мэтр, что же, сдаетесь?

— Ну этого от меня не дождусь. Я сейчас ищу режиссера, который поставит пьесу Кокто «Рыцари круглого стола».

— Вы будете королем Артуром?

— Или волшебником Мерлином. Героя — любовника Ланселота мне уже не вытратить. И пьесу я уже не осилю как постановщик, это же надо сто раз со всеми переругаться, а я взял за правило беречь нервы и жить эгоистично. Клод Лелюш зовет сниматься в новом варианте «Отверженных» Виктора Гюго. Ну скажите на милость, кого я там могу сыграть? Жана Вальжана? В том-то и дело... Быть может, на роль

Марэ Жан

30.4.94